

Герхард Гауптман

Заложница Карла Великого

Герхард Гауптман
Заложница Карла Великого

«Public Domain»

1908

Гауптман Г.

Заложница Карла Великого / Г. Гауптман — «Public Domain»,
1908

«Опочивальня Карла Великого в аахенском дворце. Час перед восходом солнца, в октябре. Карл сидит на кровати; слуги его одевают. Ему за шестьдесят лет, но он могучего сложения; держится прямо. Граф Рорико, не старше тридцати лет, красивый человек с благородной осанкой, стоит на некотором расстоянии, выжидая приказов короля...»

Содержание

Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Герхард Гауптман

Заложница Карла Великого

Пишут, что король Карл, которого франки называли Великим, и этим поставили рядом с Помпеем и Александром, возгорелся чрезмерно пламенной любовью к одной деве; она, как, по крайней мере, казалось ему, превосходила красотой всех других дев того времени в франкской земле. Король воспылал такой горячей страстью к ней, сделался так порочен, и душа его была так подкуплена её нежными ласками, что он забыл о своей славе и о чести, и отвратил свои мысли от правления государством.

(Итальянская новелла Себастьяна Эриццо, XVI века, переведенная на немецкий Полем Эристом)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КАРЛ ВЕЛИКИЙ.

ГРАФ РОРИКО, его приближенный,

ЭРКАМБАЛЬД, канцлер.

АЛЬКУИН, магистр.

БЕНИТ, саксонец.

ГЕРЗУИНДА, его племянница, заложница.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Придворные, монахини, слуги.

Действие первое

(Опочивальня Карла Великого в аахенском дворце. Час перед восходом солнца, в октябре. Карл сидит на кровати; слуги его одевают. Ему за шестьдесят лет, но он могучего сложения; держится прямо. Граф Рорико, не старше тридцати лет, красивый человек с благородной осанкой, стоит на некотором расстоянии, выжидая приказов короля)

КАРЛ. Новая сорочка! Какая белизна! Как ткань прохладна и тонка! В ней новым человеком стану. Но очень холодна она... Нет, подождите! Пусть не сейчас последняя – холодная – сорочка мне белым саваном покроет члены. Повремени, мой добрый друг. Пусть повисит еще в шкафу сорочка, милый друг. Оставь мне мое сердце с копытом дьявола. Я не хочу твоей ледяной сорочки... пугала застывшего, что встретит червя могильного с поклоном деревянным... Повремени – твой новый человек пусть подождет... Повязи ножные: одежда франков. Я франк – кто станет спорить? Я свободен – кто усомнится? Но все ж я пленник долга – иначе быть не может. Я властен – но власть мою бессилён доказать. Стяните мне хрому ногу! Где цирюльник? Скорей! Ну, а теперь, граф Рорико, – не медля за дела.

РОРИКО *(со смехом)*. Не началась еще работа, государь, и слуги королевские в волнении. Твой канцлер Эркамбальд сегодня поздно встал. Он рвет и мечет.

КАРЛ. Ему минутой дорожить бы, старому ослу, а он спит долго. Он жить не хочет, что ли? Так пусть ложится в гроб. Камзол подайте меховой!

(На него надевают камзол из порок)

РОРИКО. Он верно выпил лишнее вчера.

КАРЛ. Всегда так в жизни: он прославлял вино и жизнь, прославлял любовь – чтоб все проспять. Нет, нужно бодрствовать – зачем, я сам не знаю. Не стойте, выпучив глаза. Ходите, двигайтесь! Пусть хоть кажется, что не напрасно вы живете. И мне внушите – хоть обманно – что у меня есть нужные дела.

РОРИКО *(желая его чем-нибудь занять)*. Саксонец Беннит, государь, уж давно с прошением пристаёт к хранителю дверей. Он и сегодня тут – никак его нельзя отвадить.

КАРЛ. Позвать сюда упрямца!

(Граф Рорико приказывает одному из слуг, шестнадцатилетнему мальчику, позвать Беннита. Мальчик послушно удаляется.)

КАРЛ *(продолжая про себя)*. Опять саксонцы! Все то же неизменно. Что ж делать! Ведь тридцать лет и больше я тот же завтрак каждый день съедаю – все тот же от яйца до яблока. Так почему саксонцам не являться каждый день? Корову каждый день скребницей чистить нужно – но скучный это труд. Клонит меня ко сну, как за такой работой батрака, иль скотницу, доящую корову. Нарушить слово – вот что сверкнуло бы как молния на летнем небе. Нарушить слово!

(Он просовывает руку под подушку и вынимает восковые дощечки для писания)

Вот мои дощечки. Вписать бы это слово в воск, сияньем окружив.

(Он пишет на восковой дощечке, забывая все вокруг себя, видимо с большим трудом. Входит канцлер Эркамбальд и подходит к графу Рорико. Канцлеру около восьмидесяти лет; он с длинными кудрями, как король; значительное, фанатическое лицо с явными следами старческой слабости)

ЭРКАМБАЛЬД *(шепотом графу Рорико)*. Как он сегодня чувствует себя?

РОРИКО. «Хорошо» сказать – было б неправдой. Но «плохо» – тоже нет. Какой-то странный, тревожный дух в него вселился.

КАРЛ *(громко, говоря сам с собой)*. Эй, где ты голова? Квадривиум: свободных семь искусств... Тривиум: грамматика и диалектика... без музыки! Квадривиум и тривиум: запомни. *(Эркамбальду, точно он уж давно здесь)*. Послушай, вот загадка: с кем в жизни самый трудный бой вел король Карл? С кем? скажи...

ЭРКАМБАЛЬД. Конечно...

Карл. С кем?

ЭРКАМБАЛЬД. С саксонцами.

КАРЛ. Не верно. С самим собою – вот с кем! (*Продолжая затверживать*) Квадривиум: музыка. (*Поднимается, слегка охая*) Послушай, Рорико, не доживай до старости!

РОРИКО. Благословенна и желанна, государь, такая старость, как твоя.

КАРЛ. Тривиум – квадривиум. О, мудрость Соломона! Мне дано понять ее – не вам. За трапезой сегодня пусть капелян мне притчи Соломона почитает – о том, что суета все, суета сует; о том, что будет то, что было, что впредь все будет делаться, что делалось; что будут, как прежде, сеять хлеб, сажать растения и жатвы собирать; что будут воздвигать дворцы и разрушать; что будут земли населять и вновь в пустыни обращать; что будут ранить и раны исцелять; найдя сокровища, их снова утратят и вновь искать начнут, потом найдут – и снова то, что будет найдено, утратят. И впредь, как прежде, будут душиить, карать – и награждать и целовать!.. Целовать! ты слышишь, Рорико? Музыка – квадривиум: небесный звук среди земного гула – не так ли? Ну, довольно. Принеси мою печать с изображением Сераписа. (*Смеется*) Мир точно воск в моих руках: лепить я из него могу, что пожелаю.

(*Двое слуг вводят Беннита, саксонца геройского вида; у него угрюмое, выжидательное выражение лица. Карл, который ходит по комнате, сначала немного прихрамывая, круто останавливается перед ним и окликает его властным голосом*)

КАРЛ. Чего ты просишь?

БЕННИТ. Того, на что имею право.

КАРЛ. Ты вышел из народа, который с самого начала мира в оковах дьявольских лежит. Так говорит аббат из Фульды, Штурм.

БЕННИТ. Когда аббаты говорят, то сильный муж молчит в ответ.

КАРЛ. Ты говоришь о правде? Я для вас суровый властелин, – и только. А право – право вы утратили, по собственной вине.

БЕННИТ. Проведите к королю меня!

КАРЛ (*смотрит на него с изумлением, потом иронически улыбается*). Давай прощение! Удовольствуйся пока хоть мною.

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН (*выступая вперед*). Этот человек – саксонец Беннит, сын Гидди; родич его Ассиг, сын Амалунга, недавно здесь, в Аквисграпуме, умер, без исповеди и причастия. Он нарушил клятву, нарушил мир совместно с Беннитом и всех земель за то лишился, которыми владел от Верры и до Фульды: лес Бохония, доставшийся в наследство ему и Бенниту, обратно отошел в казну.

КАРЛ. У них забрали наследственные земли?

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН. Да, и по праву.

БЕННИТ. Лжет поп! Верны мы были королю. Мы отступились лишь от кропил-попов.

КАРЛ (*успокаивая окружающих движением руки*). Не мешайте. Пусть говорить!

БЕННИТ. Кто б ни был ты, спаси меня от клятвопреступленья! Помоги исполнить мой обет. Дай мне предстать пред королем. К нему мне укажи дорогу.

(*Несколько слугителей смеются*)

КАРЛ (*опять делает жест изумления; с возрастающим нетерпением*). Тебе нет далее пути. У цели ты.

БЕННИТ. О, Ассиг, брат любимый, теперь я понял всю правду слов твоих!.. Ты говорил, что легче чрез девять миль густого девственного леса без топора и без меча пробраться, чем предстать пред очи короля, отбившись от попов и королевских слуг при аахенском дворе.

КАРЛ. Вот как! Вы слышите? Король, как видно, стар становится. Говори свободно, сын мой. Вот за клятву клятва: когда тебя я слушаю, то слушает король; а не услышу я – и он не будет знать, о чем ты просишь.

БЕННИТ. Трех писцам, о господин, была б работа, когда б записывать такие обещания: столько раз я слышал их!

КАРЛ (*с возрастающим гневом, говорит властно и грозно*). Клятва за клятву! Клятва за клятву, говорю тебе! Используй-же свой час.

ЭРКАМБАЛЬД (*вполголоса Бенниту*). Да что с тобой? Который из сотни ваших идолов затмил тебе глаза, что короля не хочешь ты признать?

БЕННИТ (*узнав короля, глядит на него бледный и растерянный*).

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН (*тоном доклада*). Итак, он просит, чтобы...

КАРЛ (*капеляну*). Молчи! (*Бенниту*) Скажи мне сам в чем дело?

БЕННИТ (*оправившись, твердо*). Герзуинда, дочь брата, Ассига, который умер здесь – в Аахене, всего лишившись, в бедности – была взята заложницей, как взяли у Ассига и у меня наследие отцов – по произволу, государь, – а не по праву. О дочери своей отец печалился – ты сам отец, и это понимаешь – гораздо больше, чем о наследьи отнятом и чем о тяжком нарушении права – гораздо больше! Дочь его в руках мучителей.

КАРЛ (*внимательно*). Герзуинда? Кто это Герзуинда? Я как будто слышал это имя. Продолжай. рассказывай все по порядку. Не падай духом! Ты говоришь – верно тебя ль я понял? – что Ассиг домогался здесь, в Аахене, восстановления прав, а также, чтобы дочь ему вернули. Ни прав, ни дочери возврата он не добился. Но право правом остается – все равно, терзают ли его или нет. Так будем говорить о дочери, томящейся в мученьях – а то ведь помощь может опоздать. Где она живет и кто мученьям подвергает дочь Ассигии?

ЭРКАМБАЛЬД (*вмешиваясь*). Два слова, господин, пред тем, как будешь продолжать расспросы: Герзуинда, дочь Ассиги, живет в монастыре на Плане. И если была бы правда, а не ложь, что мучают ее – то значит, мучители её – помилуй Господи! – благочестивые монахины. Кто знает сестер почтенных, поймет, как безразсуден, как бессмыслен такой навет. Нет! Герзуинда – ее я знаю сам – как бы сказать?.. дурного нрава, как я слышал от монахинь. Она... Ну то, что называют... Ну да, испорченный червивый плод... гнилой, червивый.

БЕННИТ. Старик этот седобородый, государь, над родом моим и брата Ассига глумится. Он может безнаказанно злословить: он твой канцлер – а мы саксонцы!

(*Карл стоит не двигаясь; все остальные в ужасе от дерзости Беннита и выражают это знаками*)

ЭРКАМБАЛЬД. Не я глумлюсь. Глумятся тут, но не из уст моих идет глумление. Я ж не только не злословлю, а многое еще прикрасил... Довольно нам ты уши Герзуиндой прожужжал и так; а к королю пробравшись, ты вновь теперь скрежещешь то же имя. Нам некогда возиться с Герзуиндой! У нас достаточно других забот! Она в руках надежных, и воспитанье должное дается ей. Оставь же нас в покое!

БЕННИТ. Вы это воспитанием зовете!

ЭРКАМБАЛЬД. Да, в благонравии ее воспитывают – как христианский велит закон.

БЕННИТ. Я не из робости стараюсь сдерживать свой гнев. Но знай: во мне вся кровь вскипела. Довольно! О рубцах на теле говорю я, а не о воспитаньи. О мучительстве, а не о благонравьи! Ты видишь, государь, я сдерживаю ярость; ты видишь, бешенству я волю не даю. Я кроток – есть на то причина. Я молчу, хоть прибежала ко мне племянница с кровоподтеками на обнаженном теле. По христианскому закону истерзали, замучили несчастного ребенка!

ЭРКАМБАЛЬД. Долг христиан – покорствоваться.

БЕННИТ. Кому дитя покорствоваться должно?

ЭРКАМБАЛЬД. Богу.

БЕННИТ. Богу! Не может Бог, ваш Бог хотеть... Не такой он Бог, чтоб заставлять ребенка с собачьей благодарностью в глаза глядеть, когда при нем глумятся над отцом и матерью! Нет, этого не может требовать ни франкский Бог, ни Бог саксонцев!

КАРЛ (*очень спокойно*). Боюсь, что сестры монастыря на Плане – при всем почтении к ним; напрасно ты головой качаешь, Эркамбальд – боюсь, я повторяю, что они, конечно, желая лишь добра, все ж иногда неверный избирают путь. Особенно...

ЭРКАМБАЛЬД (*невольно прерывая*). Но, государь.

КАРЛ (*продолжая внушительным тоном*). Особенно, я говорю, с заложницами поступают они не так как должно. они неосторожно касаются того, чего не следует, хотя не раз и я, и люди мудрые со мною вместе удерживали их. Глубоко ранена душа у тех, кого насильно оторвали от близких и родных, от алтарей их, скажем – идолов, хотя б и для того, чтоб приобщить их к лучшей жизни в Боге. Такие раны не скоро заживают – а монахини жестокосердно бередают их. Увещанья должны быть мягкими! Терпеливым и нежным воспитанье... бесполезны насилье и приказы. Нужно звать, манить сердца на путь спасенья, и потому...

ЭРКАМБАЛЬД (*не будучи в силах сдержаться*). Как собака, что возвращается к блевотине своей, так и отродье языческое ползет назад к своим бесовским идолам; палкой, кулаком и розгой путь преграждать им должно. И потому...

КАРЛ (*продолжая говорить с спокойным упорством*). И потому призвать сюда мне настоятельницу и ту, из-за которой он с жалобой пришел – заложницу!

(*В эту минуту являются, как бы по зову Карла, старая почтенная настоятельница монастыря; она ведет за руку Герзуинду; ее сопровождают еще несколько монахинь. Герзуинде около шестнадцати лет. её распущенные светлые волосы доходят почти до земли*)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (*несколько запыхавшись от быстрой ходьбы; она спешила к королю, чтобы предупредить жалобы Беннита*). Государь, мы здесь!

КАРЛ (*пораженный видом Герзуинды*). Как?..

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Сестра Варвара прибежала, едва дыша, ее позвали в Палатинат... Она ночь провела у камерария... то есть, сказать хотела я, у дочери его, которая – Господь ей помощи! – лежит в горячке. Так вот, Варвара прибежала, чтобы сказать, что Беннит, упорно нас притесняющий уж много месяцев – нас бедных, беззащитных женщин! – теперь пробрался к трону твоему. Я тотчас же позвала Герзуинду. Она еще спала; да и теперь глаза у ней слипаются. «Бодрствуйте!» сказал Спаситель, – «ибо несть козням сатаны числа». Вот мы пришли к тебе, о, государь! Пришли, чтоб защититься от наветов.

(*Герзуинда, заметив Беннита, спешит к нему, бросается в его объятия и целует его, видимо радуясь свиданию*)

БЕННИТ (*королю*). Взгляни туда!

КАРЛ (*долго глядя с изумлением на Герзуинду*). Как, ты... Так это Герзуинда?

БЕННИТ. Да, государь.

КАРЛ (*тем же тоном*). Верно. Герзуиндой ты звалась. (*Обращаясь к настоятельнице*) Что все это значит? Герзуинда!

ГЕРЗУИНДА. Что, государь?

КАРЛ. Меня ведь знаешь ты. (*Герзуинда утвердительно качает головой и Карл продолжает*) Я расскажу тебе, что было, Рорико. Недавно, я разрешил себе короткий отдых, устав грамматику твердить. И для того, чтобы проверить усвоенные званья, я в монастырской школе вздумал на время стать учителем. Пришел всезнающим я в школу к ученицам. И вдруг... Печально из огня да в полымя попасть! Моя гордыня была посрамлена, Герзуинда знала многим больше, чем тогда я знал, чем знаю теперь и буду знать во веки. Не ослепи меня сиянье ярче, чем блеск серпов в день жатвы, чем блеск мечей в сраженьи, мной легко бы гнев и зависть овладели. Ну а теперь скажите: что произошло?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Она бежала! Свершила неслыханную дерзость, государь, и убежала – в награду за любовь, за терпеливые заботы наши, за мольбы о ней, что горячо мы возносили к небу ежечасно. За это все в отплату она бежала. Ты видишь, государь, стою я пред

тобой, ломая руки. Горе, которое она нам причинила, разбило сердце мне. Чем я это заслужила? Не слушала она, когда Спаситель звал ее – а первому призыву дьявола сейчас взяла.

КАРЛ. Успокойтесь! расскажите, как и почему она бежала?

(Настоятельница не может удержатъ рыданий которые мешают ей говорить; тогда первая сестра, монастырская ключница, выступает и говорит за нее)

СЕСТРА КЛЮЧНИЦА. Позвольте мне вам рассказать. Она спустилась ночью по стене, заросшей виноградом, на грядку мальв в саду – уж лучше умолчу, в какой одежде; двор пробежала, перелезла через забор, по стволу дерева вниз соскользнула. Ее увидел и окликнул сторож. Но она, оскалив зубы, как он говорит, так крикнула, как мышь летучая из преисподней. От страха он ее не задержал. Прости его Господь!

ЭРКАМБАЛЬД. Передайте без лишних слов то, что я вам сказал. Тут случай именно такой... Ведь сказано: обвестесь зеркалами, и василиск умрет, свое увидев отраженье. Верьте тому, что я сейчас скажу: жила на свете женщина одна и зачала в пятнадцать лет от Асмодея – а зачав ребенка, обрекла его отцу. Та женщина – мать Герзуинды. Взгляните на нее. Иль лучше, не глядите. В её глазах есть что-то, от чего тускнеет зеркало. Подумайте, за что наш государь, великий Карл, ее хвалил: за мудрость, за то, что не по-детски умна она. Испугала она его, властителя народов! Теперь вы образумились, мать настоятельница, но прежде были во власти её бесовских чар. От вас я знаю многое про дикий нрав её, в котором видна власть дьявола. Ведь мы уж тридцать лет с саксонцами воюем – так неужель предположить возможно, что праздны их злые боги, что денно и ночью не думают они о том, как сокрушить Господне царство и Его святую церковь?

БЕННИТ. Смотрите – похожа разве она на дьяволицу? О, государь, верни свободу ей! Коль соловья иль зяблика лишить свободы, конечно крыльями начнут они неистово о прутья клетки биться – чему тут удивляться? Так и она душой к своим, ко мне и к братьям рвется – ко всей родне далекой. Дудочки ей хочется по-прежнему срезать с бузинового куста, вдвоем с гусятником, иль мчатся, волосы по ветру распустив, на быстрой лошади чрез рытвины и камни, вдыхая вольный воздух. Вот, что ей любо! Приручайте, монахини, зверей, в плену рожденных. Они привыкли к рабству. А кто рожден свободным – тот не покорится!

КАРЛ *(поглядев твердо и пристально на Беннита и на Герзуинду, говорит Бенниту с полным спокойствием)*. Откажись от Герзуинды!

БЕННИТ *(пораженный)*. Что ты сказал?

КАРЛ *(спокойно, но с властной твердостью, не допускающей возражения)*. Герзуинда останется на вашем попечении, монахини почтенные. Но вы должны мне поручиться, что строже, чем до сих пор, за нею будете следить. Беннит оставит город. Ты, жалобщик, иль будешь за чертою Аахена до завтрашней зари, иль голову тебе отрубят меч палача. Что ж касается владений, о которых ты споришь тут с моими судьями, то обещаю строгий и правый суд тебе. Иди домой и мирно жди решения!

БЕННИТ. Прощай, племянница! Иди! Иди по доброй воле. Еще видны на нежной коже следы жестоких кулаков, недавно силой вырвавших тебя из рук моих. Ступай!.. бессилен я и всякую надежду потерял. Оставь меня! Сама неси, как можешь, свою судьбу. Помочь тебе не в силах я!

(Он отталкивает Герзуинду, которая с тихим плачем прижалась к нему, и быстро выбегает. Монахини окружают Герзуинду. По знаку Карла, Рориво быстро выводит женщин; вместе с ними уходит капелян и остальные слуги)

ЭРКАМБАЛЬД *(взяв восковую дощечку, висящую у пояса)*. Теперь, когда покончен ничтожный спор решением твердым мудрости испытанной твоей, о многом ином мне долг велит тебе напомнить. Много не свершенного еще решения ждет и дел. Во-первых, ты хотел на римлян ополчиться, чтоб прекратить позорный торг, чтоб больше христиан не продавали в

рабство сарацинам. Хотел ты также в Брюле побывать. И вот еще: из королевских ферм привезен сбор яблок. Ты хотел сам посмотреть и с фермерами потолковать. Из Штейгервальда...

КАРЛ. Довольно! Удержи все это в памяти. Потом напомнишь мне.

ЭРКАМБАЛЬД. Пипин, твой сын...

КАРЛ. Потом! Оставь меня теперь. (*Эркамбальд, изумленный, тихо отступает, едва заметно покачивая головой и удаляется; Карл, погруженный в раздумье, стоят несколько времени неподвижно у окна, затем говорит, повысив голос*) Рорико!

РОРИКО (*подходя к нему*). Что, государь?

КАРЛ. Что я хотел сказать?.. Ах да, призвать хотел я дочерей... Иль нет, хочу вдвоем с тобой охотиться; потом пойдем в источнике горячем искупаться. День сегодня, как видно, будет пасмурный.

РОРИКО. Нет, государь. День солнечный и ясный.

КАРЛ (*задумчиво*). Светла как месяц, и лицо святой! Ты раньше не видал ее?

РОРИКО. Я, государь?.. Нет...

КАРЛ. Где видел ты ее?

РОРИКО. Я?.. Право, мне трудно в точности сказать... И наконец, я ошибаюсь; может быть, я никогда ее не видел.

КАРЛ. Послушай, Рорико: когда мой взор, уже уставший – я слишком много глядел вот этими двумя глазами, что с юности и до сих пор без отдыха служили мне, и ночью, когда другие спали, а я свет снова зажигал... Что я хотел сказать? Ах да: когда мой взор встречает такую, как у этой девочки, головку, ему отрадно: он тает, молодеет, блуждая по светлой ниве, и сердце старое в груди мне молодит. Ты понимаешь это?

РОРИКО. Почти что понимаю, государь.

КАРЛ. Почти? Ну хорошо, с меня довольно, – пускай почти!.. Нет, Рорико, пойми меня вполне. Ведь для того тебя приблизил я к себе. Золото волос на голове ребенка... Сеть невинности из нитей золотых, тончайших... Не чудо ль это?

РОРИКО. Она прекрасна, – я не отрицаю. Но...

КАРЛ. Тот колпака дурацкого достоин, кто равнодушен, как вот канцлер Эркамбальд, при виде красоты и юности и, рот раскрыв, слюною брызжет, ругаясь и ворча! Ведь это, я думаю, хотел сказать ты? От подобной расслабленности старческой храни меня Господь! Что нового?

РОРИКО. Приходили ко мне старейшины евреев: они хотят построить синагогу, и Эркамбальд все медлит дать ответ о месте для постройки.

КАРЛ. Как поживает твоя красотка?

РОРИКО (*испуганно*). Кто? Господи помилуй! Ни о какой красотке я не знаю.

КАРЛ. Ни о какой? Ты ничего не знаешь об Эсфири, ветрогон?

РОРИКО. Ах, вы о ней...

КАРЛ. Конечно.

РОРИКО. Когда она узнает, что милостиво вспомнил о ней великий государь – она от радости вся загорится.

КАРЛ. И тебе пожар тушить придется. Ах, Рорико! Когда б я мог стать снова молодым, я бы за это отдал – мои седины. Послушай! Я замыслил... попробуй угадать! Не о Гримуальде и не о Видукинде я думаю теперь, который, говорят, отраву сыплет в мои колодцы. Нет! Решил я...

РОРИКО. Устроить школу для детей еврейских?

КАРЛ. Не угадал. Вот в чем мое решение... Не думай, что мне непременно нужен молчаливый канцлер – я и с болтливым справлюсь. Но сегодня его мне видеть не охота. Тебе я порученье тайное даю – и вот какое: решение принял я вмешаться в жизнь Герзуинды. Мне жаль ее; она широкими глазами, с таким отчаяньем и так беспомощно на горькую глядит судьбу свою.

Пусть это прихоть – все равно: хочу я дать свободу ей. Хочу открыть ей клетку. Но я боюсь, чтоб коршун не налетел, когда голубка выпорхнет из клетки – и потому решил не открывать пока. Хочу поговорить я с глазу на глаз с нею. Теперь ты понял?

РОРИКО (*изумленно*). Да, государь.

КАРЛ. Так поспеши, пока я не раздумал.

РОРИКО. Прости – в чем порученье?

КАРЛ. Вот в чем: или и приведи сюда мне Герзуинду – одну. Будь только ты при ней – никто другой пусть не приходит. Сделай это без шума. как ты умеешь... Затем, едою подкрепившись и душу освежив, пойду я на охоту.

(Слуги приносят на серебряном столике завтрак Карлу; другие вносят воду для омовения рук в серебряном кувшине и серебряный таз. Капелян, не прежний, а другой, вносит фолиант, который ставит на пюпитр и открывает. Рорико уходит с поклоном. Ученик придворной школы, мальчик лет шестнадцати, становится возле Карла, держав руках дощечки для писания. Карл садится на кресло; ему пододвигают столик, льют воду на руки и капелян откашливается, намереваясь начать чтение)

КАРЛ (*делая знак рукою капеляну*). Нет, сегодня читать не будем Августина.

(Капелян удаляется, поклонившись. Король Карл садится за еду)

КАРЛ (*во время еды*). Ну что, скажи мне, мальчик: не трещал сегодня потолок, как прошлой ночью, по твоим словам? Что это значит? Ужели стены рушатся в дворце, не дожидаясь, чтобы сокрушил их датчанин Готфрид? Что шепчут прорицатели? Что сочтены дни короля? Конечно, сочтены – как ваши, как сочтен и волос каждый на глупой голове твоей. Запиши: король наш Карл, в теченье долгой жизни своей, раз десять становился старым и снова молодым. А умрет он, когда на то Господня воля будет – а не тогда, когда в дворце треск потолка слышат.

(Рорико вводит снова Герзуинду, разговаривая с ней. В противоположность своему первому появлению, она теперь по-детски оживленна и весела. Услышав голос Карла, она внимательно прислушивается)

КАРЛ (*слегка смущенный*). Вот это хорошо! Хвалю! Я вижу, ты пришла открыть мне одному – и даже Рорико, я думаю, тут лишний – твои желанья и тревоги, чтоб мы вдвоем решили, как к лучшему все изменить. *(По его знаку все, кроме Герзуинды, удаляются. Оставшись с нею наедине, он продолжает)* Говори без всякого стеснения, Герзуинда.

ГЕРЗУИНДА (*с серьезным, несколько выжидательным, лукавым выражением лица*). Хочу свободной быть!

КАРЛ. Ну да, ты хочешь... Тянет тебя на родину, в леса, где на стволах старинных буков висят еще изображения языческой богини Фрей, а не Марии, матери Господней. Вернуться к дяде дикарю ты хочешь...

ГЕРЗУИНДА. О, нет! Хочу я быть свободной и от дяди.

КАРЛ. Что? Ведь ты рыдала тут в его объятьях.

ГЕРЗУИНДА (*пожимая плечами*). Я плакала, чтоб он не огорчался. К тому же...

КАРЛ. Что: к тому же? Продолжай...

ГЕРЗУИНДА. К тому же, когда плачут старики, готова я рыдать... чтоб не расхохотаться.

КАРЛ (*отталкивая от себя столик*). Что ты сказала?

ГЕРЗУИНДА. Только правду. Больше ничего.

КАРЛ (*опять спокойным тоном*). Дитя... Но если вникнуть в то, что ты сказала – и как сказала... Отвернув лицо, чтобы не видеть, кто предо мной стоит, я слышу голос – совсем не детский. Повтори, чтоб понял я, чего ты хочешь.

ГЕРЗУИНДА (*взглянув на него значительно*). Я и молчать могу.

КАРЛ (*сначала изумленно, потом быстро*). Нет, говори. Открой мне душу, не робей.

ГЕРЗУИНДА (*очень непринужденно*). Я робости не знаю. Что случилось бы со мной, будь я пуглива? Что унесла бы из краткой жизни, во всем враждебной мне, которой завтра, может быть, конец наступит, когда б я знала страх?

КАРЛ. Ты знаешь, кто с тобою говорит?

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Ты старик, я знаю – и жизнь твоя уж позади. А я – что в прошлом у меня? Почти что ничего. Что впереди? Быть может, тоже пустота. Ты сыт и потому меня понять не можешь.

КАРЛ. Откуда знаешь ты, что старикам неведом голод?

ГЕРЗУИНДА. О да, ты голоден, я вижу ясно. Вижу по твоим глазам. Больно от взглядов старика. В них светится мольба, как у собаки, которую прибили. Взгляд старика – взгляд утопающего.

КАРЛ (*с напускной веселостью*). Довольно! Лучшего пловца чем Карл нет на свете. И не родился тот, кто волны более широким взмахом рассекает, чем Карл. И шеи тоже ни пред кем еще король не гнул. Больно – я знаю – от взгляда короля, когда он гневно смотрит; но только потому, что взгляд его сверкает, как молния на потемневшем небе. Послушай. Скажи мне ясно и коротко: что сделать для тебя?

ГЕРЗУИНДА. Позволь мне жить, как я хочу.

КАРЛ. А как ты хочешь жить?

ГЕРЗУИНДА. Идти моим путем, чтобы никто не спрашивал меня, куда иду, чтоб никому я не была обязана сказать, откуда я пришла.

КАРЛ. Странное желанье для лет твоих, дитя. Ты сама не понимаешь, вижу я, чего ты просишь. Ты не знаешь, как много бед таится вокруг тебя. Не знаешь, что стоит бабочке, такой как ты, раз или два над лужей пролететь – особенно здесь, в Аахене, – и горихвостка, или синица сейчас ее поймает и проглотит. Я не хочу твоей гибели. Я добра тебе желаю, Герзуинда. Проси того, что будет благом для тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.